

**ВЛИЯНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
НА ПОВОРОТ В РАЗВИТИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ В США
(КОНЕЦ XX – НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

Л.В. Байбакова

В докладе подводятся итоги противоречивой эволюции историографии политической истории США рубежа XX–XXI вв. В условиях поливариантности исследовательских парадигм анализируются теоретико-методологические подходы, обуславливающие обновление ее основ, рассматриваются главные тенденции, возникшие на основе междисциплинарных альянсов, дается прогноз дальнейшего развития «новой» политической истории. К числу ее характеристик отнесены антропологизация, междисциплинарность, ориентированность на микроуровневые исследования.

Ключевые слова: историография США, политическая история, «президентский синтез», школа «анналов», антропологический поворот, междисциплинарность, ориентированность на микроуровневые исследования, социальный анализ политической истории, этнокультурная интерпретация поведения избирателей, критические выборы, партийная перегруппировка, политическая культура

The paper deals with the complex and contradictory evolution of political history as the main area of U.S. historical science at the turn of 20th–21st centuries. In terms of the diversity of research paradigms the author examines theoretical and methodological approaches that contribute the updating of its fundamentals, describes the key trends emerged on the basis of interdisciplinary alliances, and forecasts the further development of «new» political history. Its main characteristics are anthropological turn, interdisciplinary approach, focus on micro-level studies.

Key words: U.S. historiography, political history, «presidential synthesis», «annals» school, anthropological turn, interdisciplinarity, focus on micro-level studies, social analysis of political history, ethno-cultural interpretations of voting behavior, critical elections, realignment of political parties, political culture

Становление политической истории как полноценного и самостоятельного направления исторической науки произошло в середине XIX в., когда немецкий ученый Леопольд фон Ранке сформулировал критерии историко-критического метода. Главной задачей историка он провозгласил изучение исторических личностей сквозь призму их «важнейших и государственных деяний» на основе объективного изложения фактов. Отказывая себе в праве творить суд над историей, он призывал к строго научному воспроизведению действительности, показу того, «как это было на самом деле». Разработанная им особая методика изучения архивных источников, основанная на принципах внутренней и внешней критики, была нацелена на осмысление уникальности всех исторических событий при главенствующей роли политики¹. Большинство последователей Ранке, считая, что «история — это политика прошлого, а политика есть история настоящего»², занималось исключительно ее изучением. Подобный подход сохранялся в западной историографии вплоть до середины XX в.

Со временем ограничение политической истории деяниями «великих героев» разных эпох стало вызывать недовольство научной общественности, считавшей, что усложнение общественно-политической жизни после Второй мировой войны требует внесения корректив в понимание сути политической истории. «Что такое история и зачем ею заниматься? — эти вопросы носились в воздухе в конце 1950-х и в 1960-е гг. Является ли история жанром искусства, служащим для развлечения? Или она позволяет подняться на высоту, с которой можно судить о добре и зле в человечестве? Или все-таки история — в некотором роде точная наука, стремящаяся объяснить человеческие взаимоотношения во времени и посему вносящая свой вклад в зарождающуюся «науку об обществе»? Как следует заниматься историей?» — вспоминал современник описываемых событий Д. Ратмэн³.

Почву для выработки новой парадигмы в исторической науке во многом подготовила французская школа «анналов». Отказавшись от деления социума на политическую, экономическую, культурную и иные сферы бытия, она попыталась воссоздать многоуровневую и «очеловеченную» картину исторического прошлого во всей ее цело-

¹ Савельева И., Полетаев А. Становление исторического метода: Ранке, Маркс, Дройзен // Диалог со временем. М., 2007. Вып. 18. С. 76–81.

² Freeman E. Lectures to American Audiences. Philadelphia, 1882. P. 207–208.

³ Ратмэн Д. «Новая социальная история» в США // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 69.

стности⁴. В центре внимания ученых оказалось не обезличенное общество, а ценностные ориентации отдельно взятого человека или группы лиц, приобретенные в процессе самопознания. По словам французского ученого Л. Февра, «предмет наших исследований — не какой-нибудь фрагмент действительности, не один из обособленных аспектов человеческой деятельности, а сам человек, рассматриваемый на фоне социальных групп, членом которых он является»⁵.

В США поворотным пунктом для пересмотра устаревшего концепта стало появление в 1948 г. статьи Т. Кохрана. В ней он обвинил предшественников в подмене политической истории так называемым «президентским синтезом», представлявшим упрощенную схему власти. Изучение только представителей федеральной элиты (президентов, конгрессменов и иных политиков высокого ранга) искажало, по его мнению, картину политической жизни, поскольку за рамками исследований оставались разнообразные явления региональной политики⁶. Кроме того, обо всех событиях судили по элитным нарративным источникам (речам государственных деятелей, дипломатической переписке и проч.), соотносимых с жизнью всего общества в целом. По словам Кохрана, политическая история, выступавшая от лица «власть имущих», вела к ложным трактовкам и обобщениям, на основе которых было сложно судить о поведении разных социальных слоев американского общества.

Вопрос о путях дальнейшего обновления политической истории в США все еще остается открытым. Невероятная метаморфоза, произошедшая с ее теоретическим багажом, методологией и концептуальным аппаратом, до сих пор не стала объектом специального изучения, ни в американской, ни в отечественной литературе⁷. В этой связи представляется целесообразным выявить основные тенденции в эволюции политической истории в конце XX — начале XXI в., определить ее дальнейшие перспективы развития.

Усилившиеся с 1970-х гг. поиски новых траекторий исторической науки, получившие название «антропологического» или «социокультурного» поворота, были тесно связаны с необходимостью обновления совокупности научных подходов, используемых учеными для изучения взаимосвязи не столько отдельно взятых лиц или групп людей

⁴ Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.

⁵ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 25–36.

⁶ Cochran T. The «Presidential Synthesis» in American History // American Historical Review. 1948. Vol. 53. No. 4. P. 752.

⁷ Appleby J., Hunt L., Jacob M. Telling the Truth About History. N.Y.; London, 1995. P. 292–306; Байбакова Л.В. Двухпартийная система в период вступления США в индустриальное общество (последняя треть XIX в.). М., 2002. С. 35–52.

с институтами власти, сколько особенностей их менталитета и миропонимания⁸. Речь шла о формировании в политической истории нового мейнстрима «с человеческим лицом». К числу его основных характеристик были отнесены антропологизация, междисциплинарность, ориентированность на микроуровневые исследования⁹.

В ходе начавшегося обновления исторических знаний неминуемо встал вопрос о поиске достоверной информации в связи со сменой методологических ориентиров и трансформации представлений о способах получения достоверного знания. Именно тогда сомнению подверглась мысль о возможности адекватного истолкования историческом тексте, написанного много лет назад. Для его более или менее четкого понимания требовалось исходить из идеи, что исторический дискурс представляет собой не более чем воображаемую конструкцию, существующую в уме того или иного автора, а определенный тип исторического сознания проецирует особый характер историописания. Отсюда задачей исследователя объявлялось формулирование адекватного представления о смысловом наполнении источника, поскольку, как точно заявил французский культуролог Р. Барт, «нет ничего вне текста»¹⁰. Новые требования к пониманию исторического нарратива коррелировали представление о самом предмете изучения политической истории.

Призыв к поиску нового научного ориентира был с пониманием воспринят в академических кругах, считавших, что нельзя изучать общественно-политическую жизнь исключительно по формально-функциональному признаку без углубленного изучения тех социальных сил и структур, на основе которых ранее формировался пресловутый «президентский синтез». За аксиому было взято изучение истории «снизу вверх», поэтому объектом стала деятельность миллионов людей, чьи «истории» воспринимались как часть прошлого плюралистического общества. И хотя объект исследования помельчал и спустился с федерального центра на уровень штатов и даже городов, рассматриваемых в качестве особых микросообществ, изучение разнообразных «демократических практик» носило плодотворный характер. Речь шла о попытке «интегрировать элиту и общество, отцов-основателей и их последователей, иерархов и плебеев для того, чтобы создать синтетическое пове-

⁸ *Лантева М.П.* Методологические «повороты» гуманитарного знания и их влияние на историческую науку // Терминология исторической науки. Историописание. М., 2010. С. 65–79.

⁹ *Шутова О.М.* Историография и постмодерн: вопрос об идентичности во второй половине XX – начала XXI веков. Минск, 2007. С. 73–75.

¹⁰ *Барт Р.* Удовольствие от текста // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 462–518.

ствование, способное объединить множество изолированных и разрозненных исследований» о прошлом Америки¹¹.

Смена масштаба наблюдения выявила не только новые пласты истории, основанные на ранее неизвестных фактах, но и подтолкнула ученых к критическому переосмыслению традиционных представлений. В частности, упор был сделан на «социальном анализе» политики, призванном объяснить, как идеологически обусловленные общественные отношения воплощаются в политической деятельности и мировоззрении людей. Изучение форм массового участия различных социальных групп в общественно-политической жизни осуществлялось на основе широкого применения математико-статистических и количественных методов, «позволявших на объективной основе значительно углубить анализ внутреннего механизма, закономерностей и особенностей функционирования и развития явлений и процессов исторической действительности»¹².

Весьма плодотворным оказался союз истории со смежными гуманитарными дисциплинами, ставший матрицей для последующих междисциплинарных альянсов. Например, в рамках социализации политической истории возникли новые подходы в изучении взаимоотношений государства и общества на разных уровнях власти, влиянии этнокультурных факторов на политический процесс, анализа политических практик разных общественных организаций и т.д. Иными словами, в центре исследований оказался широкий спектр проблем, ранее весьма условно входивших в круг политических отношений. Показательно, что сами ученые предпочли отнести свои изыскания к таким новым направлениям науки, как социальная, культурная, интеллектуальная или даже транснациональная истории¹³.

Первым исследованием, в котором была предпринята попытка социального анализа политики, стала «Концепция джексоновской демократии» Л. Бенсона, опубликованная в 1961 г. В ней с помощью математических методов был оспорен главный тезис прогрессистской школы о наличии в обществе постоянного классового конфликта. Анализ голосования избирателей на выборах 1840–1844 гг. в штате Нью-Йорк показал, что водораздел между партиями вигов и демократов пролегал не по уровню материального достатка, а по конфессиональной принадлежности. Выявление главенствующей роли этничности в политиче-

¹¹ *Beyond the Founders: New Approaches to Political History of the Early American Republic*. Chapel Hill, 2004. P. 387–412.

¹² Количественные методы в советской и американской историографии. М., 1983. С. 36.

¹³ *Huret R.* All in the Family Again? Political Historians and the Challenge of Social Policy // *Journal of Policy History*. 2009. Vol. 21. No. 3. P. 239–263.

ском процессе обусловило главный вывод автора о том, что «по крайней мере, с 1820 г., когда избирательное право для мужчин стало всеобъемлющим, этнические и религиозные различия, похоже, стали самым важным источником политического развития»¹⁴. Классовый конфликт, тем самым, переводился в русло межнациональных противоречий, так как считалось, что «этнокультурные вопросы в большей степени важны для избирателей, чем тарифы, регулирование трестов и железных дорог. Они напрямую касаются жизни людей...»¹⁵.

Из утверждения о решающей роли этнокультурных факторов в процессе политического размежевания в обществе следовал вывод о том, что именно этничность способна представлять реальную основу для выработки действующими партиями альтернативного курса, понятного рядовым избирателям в таком многонациональном государстве, каким являются США. В частности, в работах П. Клеппнера, посвященных «этнизации политики», было убедительно доказано, что в конце XIX в. 75% католиков постоянно голосовали за демократов, в то время как республиканцев поддерживало такое же количество избирателей из числа методистов, конгрегационалистов и лютеран, представлявших протестантские деноминации¹⁶. В этой связи интерес многих ученых определялся стремлением понять, как национальность и религия формируют массовое сознание и обуславливают принадлежность людей к той или иной партии¹⁷.

Одним из существенных результатов этнокультурной интерпретации истории стало формирование концепции циклического развития двухпартийной системы, в которой голосование на выборах объявлялось основной формой участия граждан в политическом процессе, а федеративное устройство государства предполагало частое переизбрание должностных лиц в представительные органы власти. В динамично развивающейся двухпартийной системе были выделены качественно отличные друг от друга модели, или «партийные эры» (1789–1824, 1828–1854, 1860–1896, 1896–1932, 1932–1980, 1980–2008 гг.)¹⁸. Границами между ними считались президентские выборы 1800, 1828, 1860, 1896, 1932, 1980 и 2008 годов, названные «критическими». Их итогом

¹⁴ *Benson L.* The Concept of Jacksonian Democracy. Princeton (N.J.), 1961. P. 165.

¹⁵ *Hays S.* American Political History as Social Analysis. Knoxville, 1980. P. 300.

¹⁶ *Kleppner P.* The Cross of Culture: A Social Analysis of Midwestern Politics, 1850–1900. N.Y., 1970.

¹⁷ *McCormick R.* Ethno-Cultural Interpretations of Nineteenth-Century American Voting Behavior // *Political Science Quarterly*. 1974. Vol. 89. No. 2. P. 351.

¹⁸ *Burnham W.D.* Critical Elections and the Mainsprings of American Politics. N.Y., 1970; *Sundquist J.L.* Dynamics of the Party System. Alignment and Realignment of Political Parties in the United States. Wash., 1983.

становились долговременные изменения в коалиции избирателей, резкое усиление межпартийной борьбы и, наконец, складывание новой расстановки общественно-политических сил в стране, обуславливающей изменение вектора государственного курса.

Со временем теория «критических выборов» была развернута в понятие «партийно-политическая перегруппировка», куда были включены все годы, в ходе которых шла перестройка партийных организаций и избирательных коалиций. При этом были уточнены типы выборов — от «сохраняющихся», т.е. подтверждающих традиционное межпартийное размежевание и победу партии большинства, до «отклоняющихся», на которых побеждала партия меньшинства¹⁹. Конечно, проведение подобных исследований было невозможно без использования количественных методов, с помощью которых была написана большая часть работ подобного рода.

Время повального увлечения клиометрией было непродолжительным. После нескольких десятилетий усиленного изучения электоральной статистики ученые так и не поняли до конца, «что же представляет собой феномен перегруппировки»²⁰, поскольку в ходе любых выборов всегда происходят изменения в избирательном корпусе, а пришедшая к власти партия обязательно вносит что-то новое в свой политический курс. По мнению скептиков, если «критические» выборы когда-либо имели место, то только в XIX в., а во второй половине XX в. они стали менее «внятными»²¹.

Постигшее разочарование заставило ученых искать новые способы объяснения прошлого. Поведение избирателей стало реконструироваться с помощью категории «политическая культура», представляющая более широкое понятие, чем совокупность факторов, определяющих материальное положение, этнокультурные традиции или социальный статус человека. Носителей единой политической культуры отличала этническая и религиозная однородность, единая система мировоззрения, общность образа действий. Вот почему разногласия между избирателями объяснялись принадлежностью к разным типам политической культуры: одна из них определялась нормами протестантизма, а другая — традициями католицизма. «Приверженность избирателей определенной партии, — уточнял П. Клеппнер, — не связана с некоей

¹⁹ Paulson A. Electoral Realignment and the Outlook for American Democracy. Lebanon (N.H.), 2007. P. 3–11.

²⁰ Carmine E., Stimson J. Issue Evolution: Race and Transformation of American Politics. Princeton (N.J.), 1989. P. 25.

²¹ The End of Realignment? Interpreting American Electoral Eras. Madison (Wis.), 1991. P. 24–37; Mayhew D. Electoral Realignment. A Critique of an American Genre. New Haven, 2002. P. 14–33.

классовой принадлежностью, а, напротив, является выражением общих морально-этических принципов, присущих той или иной этнокультурной группе»²². Отсюда следовал ранее сформулированный в рамках этнокультурной школы вывод о том, что избиратели в США никогда не были организованы вокруг социально-экономического полюса. Для них более важными всегда являлись этнокультурные ценности. Правда, оставалось неясным, «от чьего имени и чьим голосом должна быть озвучена национальная культура», ведь ею мог быть голос раба или плантатора, рабочего или фермера, представителей центра или периферии²³.

Между тем сведение политической истории к противоречиям между двумя субкультурами обусловило своеобразную интерпретацию многих явлений. Например, утверждалось, что в основе образования фермерских партий конца XIX в., зародившихся среди местного населения (преимущественно «янки»), лежат этнокультурные, а не «социальные антагонизмы». В этой связи движение популистов объявлялось «религиозным возрождением, крестовым походом» за протестантскими идеалами культурной однородности²⁴. Из подобной интерпретации напрашивался парадоксальный вывод: если фермерское движение выступало под знаменами протестантизма, то рабочие организации должны были придерживаться прямо противоположных взглядов, поскольку их представляли преимущественно иммигранты иных конфессий. Однако в действительности рабочие вместе с фермерами действовали в рамках единого антимонополистического фронта. И хотя совпадение их интересов объяснялось принадлежностью к низшим слоям населения, главная парадигма этнокультурной школы столкнулась с непреодолимым методологическим дуализмом. В дальнейшем категоричность подобных суждений была оспорена в ходе определения критериев «социального измерения» гражданина, среди которых социально-экономическим характеристикам придавалось гораздо большее значение, чем пресловутому фактору «этничности»²⁵.

Иными словами, пройдя сложный путь эволюции, политическая история не обрела целостного представления о прошлом, представшего в виде сложного мозаичного полотна, разбитого на отдельные части.

²² *Kleppner P.* The Third Electoral System, 1853–1892: Parties, Voters and Political Culture Politics of the 1870s and 1880s. Chapel Hills, 1979. P. 73, 196–197.

²³ *Rozenzweig R.* What is the Matter with the History // Journal of American History. 1987. Vol. 74. No. 1. P. 118.

²⁴ *Kleppner P.* Op. cit. P. 291.

²⁵ *Hammarberg M.* The Indiana Voter. The Historical Dynamics of Party Allegiance During the 1870s. Chicago; London, 1977. P. 177.

Ее отличала аморфность, статичность, отсутствие широкой концептуализации, несопоставимость целей и результатов исследований²⁶. В этой связи возникает логический вопрос о том, что же приобрела политическая история в ходе длительного процесса обновления, насколько далеко оказались сдвинутыми границы политического пространства за счет проникновения инструментария смежных гуманитарных дисциплин? Для ответа на эти вопросы необходимо кратко остановиться на достигнутых ею результатах.

Начнем с того, что, во-первых, изменилось содержание самой политической истории, которая ныне воспринимается как междотраслевая дисциплина, расположенная на стыке истории и ряда общественных наук, прежде всего, политологии, правоведения, социологии и культурологии. По сути произошла переориентация политической науки «с макрополитической парадигмы на “диверсифицированный” методологический арсенал детализируемого соотнесения актора (человека) с “политическим”, его процессами, структурами, трендами»²⁷. Это уже не история президентов и их ближнего круга, объектом изучения являются политические отношения в самом широком смысле слова, соотносимые с понятиями «власти и права, государства и нации, равенства и справедливости, самобытности и различий, гражданства и цивилизованности» и т.д.²⁸ Подобная широкая повестка «новой» политической истории обусловлена тем, что она многое почерпнула из междисциплинарного инструментария, в результате чего возникли новые предметные отрасли.

Однако из столь широкого понимания концепта политической истории вытекает, что любые действия людей способны генерировать ответные процессы в сфере политики. Например, главный довод специалистов по гендерной истории состоит в том, что феминизм, изучающий общественно-политическую деятельность женщин, представляет «фактически политическую историю»²⁹. Между тем значительное расширение границ политического пространства неминуемо ведет к растворению традиционного предмета исследования среди других направлений исторической науки. Не случайно «новая» политическая история, ори-

²⁶ *Gutman H.* The Missing Synthesis: Whatever Happened to History? // *Nation*. 1981. November 21. P. 553–554; *Estes T.* Searching for Synthesis: The Fragmentation of Early American History and the Prospects for Reunification // *The Register of The Kentucky Historical Society*. 2006. Vol. 104. No. 1. P. 95–126.

²⁷ *Тхагансов Т.Г.* В поисках методологической парадигмы политической науки. Принцип идентичности // *Полис*. 2013. № 4. С. 174.

²⁸ *Rosanvallon P.* *Democracy Past and Future*. N.Y., 2006. P. 36.

²⁹ *Offen K.* The History of Feminism is Political History // *Perspectives on History*. 2011. Vol. 49. No. 5. May (<https://www.historians.org/>).

ентированная на межотраслевой дискурс, распалась не только на отдельные направления, внутри каждого из них оформилась собственная специализация. Все это свидетельствует о том, что усложнение масштаба исторического познания на основе методологии сопредельных гуманитарных дисциплин не способствовало появлению новых фундаментальных трудов, наподобие бестселлеров Ч. Бирда или Р. Хофстедтера, хотя ряд исследователей признает, что общее «понимание прошлого стало намного полнее» по сравнению с традиционными трактовками³⁰.

Негативной стороной увлечения американских ученых междисциплинарностью стало не только падение престижа одной из основополагающих мировоззренческих дисциплин, но и исчезновение традиционной проблематики политической истории из учебных планов исторических факультетов университетов США. В частности, социализация истории привела к повальному увлечению социальными науками, в итоге число лиц, работающих в сфере политической истории, сократилось с 1975 по 1995 г. с 40 до 30%³¹. Согласно подсчетам Американской исторической ассоциации (АИА), недостаток в квалифицированных кадрах по этой специальности испытывают $\frac{3}{4}$ университетов и колледжей. Дисциплина, бывшая до недавнего времени стержнем исторической науки, ныне ограничивается изучением партий и избирательных систем, но уже не в рамках «президентского синтеза», а на основе изучения поведения разнообразных слоев избирателей. Печальным оказался итог комплексного анализа «новой» политической истории, проведенного на страницах журнала «*Perspectives on History*» в 2011 г. Он был сформулирован в одной фразе – «традиционная политическая история мертва...»³²

Одновременно произошел радикальный сдвиг в восприятии общественностью политической истории. Обратной стороной популяризации научных знаний среди широких слоев населения стало изменение способов их репрезентации. Если ранее их познание шло посредством литературы, радио, кино и телевидения, то с открытием Интернета возникли новые медиаформы в виде прямого диалога между представителями академической и любительской историей. Чрезвычайно популярными стали научные кафе, онлайн-интервью, интерактивные музеи и проч. Ныне не проходит и дня, чтобы модные обозреватели

³⁰ *Rogers R.* The Strange Death (?) of Political History // *The Junto*. 2016. September 9 (<https://earlyamericanists.com/>).

³¹ *Haber S., Kennedy D., Krasner S.* Brothers Under the Skin: Diplomatic History and International Relations // *International Security*. 1997. Vol. 22. Summer. P. 34–43.

³² *Pincus S., Novak W.* Political History After the Cultural Turn // *Perspectives on History*. 2011. Vol. 49. No. 5. May (<https://www.historians.org/>).

не сравнили нынешнего президента Дональда Трампа с такими эпатажными политиками, как Хью Лонг или Джордж Уоллес, заставляя слушателей вникать в дела давно минувших дней. Все это свидетельствует о том, что сюжеты из политической истории сейчас воспроизводятся повсюду, но чаще всего не в университетских аудиториях, а в медийном пространстве — в многочисленных ток-шоу, социальных сетях и мессенджерах, позволяющих мгновенно обмениваться мнениями между пользователями посредством смартфонов.

В условиях нового уровня коммуникации между обществом и наукой перед академической общественностью встает логический вопрос о том, как донести до массовой аудитории объективные исторические знания в качестве достояния нации. По общему мнению ученых, требуется реинкарнация традиционной политической истории, превращение ее в «синтетическую и интегративную» науку, в которой понятие «политический» понимается максимально широко. Существуют и конкретные предложения по восстановлению в правах фундаментальной политической истории, подвергнувшейся культурно-идеологической трансформации: «Начинать надо с университетского начальства, должного определить политическую историю в числе приоритетных дисциплин, <...> а меценатам следует жертвовать средства на создание особого профиля должностей профессорско-преподавательского состава и предоставление стипендий аспирантам...»³³, способных адаптировать историческое знание для широкой общественности.

Конечно, столь широкая программа действий в условиях медиатизации исторических знаний вряд ли может быть осуществлена в кратчайшие сроки, поэтому вопрос о том, как достичь «организующего синтеза» в политической истории, еще долгое время останется открытым. Но даже если большая часть предложенных реформ гипотетически осуществится, политическая история не станет прежней. Ее междисциплинарные альянсы, вылившиеся в активное использование инструментария смежных гуманитарных наук, привели к существенной фрагментации предметного поля, обусловив создание «новой» дисциплины без границ. Нам же, видимо, придется согласиться с предсказанием французского теоретика Жака ле Гоффа, сделанного полтора десятилетия назад, что «политическая история — не “становой хребет”, а скорее “ядро” истории»³⁴.

³³ Logevall F., Osgood K. Why Did We Stop Teaching Political History? // New York Times. 2016. August 29 (<https://www.nytimes.com>).

³⁴ Ле Гофф Ж. Является ли все же политическая история стовым хребтом истории? // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 190.